

ВПЕРЁД В ПРОШЛОЕ?

Украинский кризис стал наиболее веским аргументом тех, кто в последние годы по тем или иным причинам, как за рубежом, так и в самой России, аплодирует или готов смириться с втягиванием нашей страны в новый виток противостояния с частью западных государств. По большинству параметров, о чём уже много писали, “новая холодная война” маловероятна, хотя оплакивающих конец её реальной предшественницы немало. Та холодная война была детищем биполярного мира, а мир XXI века формируется и во многом уже сложился как полицентричный. И всё же, можно представить, что и в нём не исключено появление противостоящих друг другу военно-политических блоков с подтянутыми к этому идеологическими разногласиями, будь то искусственными или реальными.

Такое негативное развитие событий зависит и от ответа на следующий вопрос: можно ли повернуть вспять существующую модель глобализации? Думается, что при определённых условиях – да. Это потребовало бы масштабных изменений не только в сложившейся структуре глобальной рыночной экономики, но и её фактический демонтаж. Сейчас она существует как более-менее единый организм, где все зависят от всех, даже Северная Корея. Его расчленение невозможно без настойчивых усилий сразу многих влиятельных игроков. Достаточно очевидно, что риски, связанные с такой политикой, перевешивают для большинства ведущих европейских и иных держав воображаемые геополитические и экономические выгоды. Но и отмахиваться, пренебрегать таким сценарием нельзя, чтобы он не превратился в самосбывающееся пророчество. Имеется ряд моментов, указывающих на то, что его осуществление в какой-то мере уже началось.

Высокие риски неприемлемы для продвижения тех или иных государственных и национальных интересов в спокойные

времена. Когда же в региональном и, тем более, глобальном масштабе баланс сил начинает существенно меняться, порог восприятия опасности рисков у ведущих центров силы повышается. Европейская история последних веков показала, что, к сожалению, масштабный передел сфер влияния и “места под солнцем” всегда сопровождался всплеском насилия, вызванным как претензиями восходящих центров силы, так и сопротивлением тех, кому брошен вызов. Взаимопонимание между ними удавалось добиться только как вынужденный компромисс по итогам таких периодов.

Наглядным примером служит Вестфальский мир 1648 г. после Тридцатилетней войны, опустошившей Европу; складывание “концерта держав” по результатам Венского конгресса 1814–1815 гг. после эпохи разрушительных Наполеоновских войн; Ялтинско-Потсдамская система международных отношений как результат двух мировых войн – апофеоз тёмной стороны европейской цивилизации. Новым периодом передела мира стало время после распада постсоветского пространства, растянувшееся уже на четверть века. Для него вновь характерен всплеск насилия как на самом европейском континенте (Югославия, Грузия, Украина), так и за его пределами (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, в целом – дуга нестабильности, охватывающая Магриб, Сахель и Большой Ближний Восток), практически по всей южной и юго-восточной периферии Европы. Рано или поздно черту под ним подведёт общее признание факта долговременного установления в международных отношениях полицентричности. Пока же иллюзии о возможности подстроить историю под себя, поставить её на паузу однополярности, точнее – промежуточного состояния мира между биполярностью и полицентричностью, сохраняются, как и иллюзии об исключительности, избранности

тех или иных народов. И чем труднее под напором времени эти иллюзии будет поддерживать, тем ожесточённее будет становиться сопротивление.

Быстро формирующаяся модель международных отношений, как и предыдущие, является выражением закона “взлёта и падения великих держав”, и в то же время обладает своей уникальностью. Последняя заключается в том, что впервые в условиях глобального мира на долгое время закрепятся новые правила игры не только на пространствах Старого света, и даже не только на просторах всей Европейской цивилизации от Атлантики до Тихого океана, но с учётом интересов и ценностей большинства ведущих региональных держав. В каждом из регионов мира в недавнем или в далёком прошлом существовали свои гегемоны в виде древних цивилизаций или империй. Но никогда ещё принцип “концерта держав” не использовался для регулирования отношений между ними; мир был слишком фрагментирован, разобщён и не обладал необходимой степенью взаимозависимости. Но теперь, в XXI веке, шансы установления баланса сил в глобальном, а не только в масштабе того или иного региона, реальны.

На их пути – упомянутое выше сопротивление, в рамках которого не исключена и попытка деглобализации, другими словами – искусственная маргинализация тех или иных претендентов на самостоятельную региональную, тем более, глобальную роль. Причём, удивительным образом внешней политикой России на Западе сейчас часто оценивают, как “восстание против глобализации”, хотя на практике шаги по деглобализации осуществляют именно западные государства в угоду сохранения своих лидирующих позиций. Гораздо логичнее утверждать, что “восстание против глобализации” осуществляют те, кто сопротивляется появлению полицентричного мира, который, как ничто другое, является продуктом и проявлением глобализации.

Не устаёшь удивляться провидчеству победителей во Второй мировой войне, ведь зародыш первой в истории глобальной полицентричности содержался в “утробе” послевоенного мирового порядка в виде Организации Объединённых Наций и её Совета Безопасности, в который, поми-

мо собственно европейских держав, вошли две неевропейские – США и Китай, представлявшие другие регионы планеты. Этот факт указывает на то, что модель международных отношений XXI века строится не на руинах послевоенного мироустройства, а с использованием ряда его принципиальных атрибутов. Само же это мироустройство вобрало в себя ряд принципов предшествующей ей Вестфальской модели международных отношений, в первую очередь государственный суверенитет и баланс сил¹.

С тех пор и по настоящее время государство остаётся ключевым субъектом международных отношений, основным строительным элементом их архитектуры. На мировом пространстве оно претерпевает существенную трансформацию лишь в рамках одного регионального интеграционного объединения – Евросоюза, члены которого добровольно передают значительную часть своего суверенитета наднациональным структурам, в результате чего образовывается своего рода “дистанционная” категория суверенитета. Однако важно отметить, что переданная “наверх” часть суверенитета никуда не исчезает. Идея состоит в том, чтобы, разделив суверенитет на национальный и наднациональный, по-прежнему пользоваться обоими его категориям для защиты всё тех же государств-членов. Более того, с точки зрения сторонников установления федеративного устройства Евросоюза, ЕС в конце концов должен превратиться в нечто очень близкое национальному государству, которое будет обладать по сути той же суверенностью, которой когда-то обладали вступающие в ЕС страны.

Кому-то может показаться, что идея “новой холодной войны” – это и есть ответ на сопротивление против закрепления полицентричности. На самом деле, это геополитическая ловушка, попав в которую, Россию лишь подыграет тем, кто стремится с помощью деглобализации добиться маргинализации своих оппонентов и продлить время своего лидерства. Это своего рода аппарат искусственного дыхания для отживших свой век концепций мирового

¹ См.: *H. Kissinger. The World Order.* Allen Lane, Penguin Group. London, 2014.

развития. Вместо того чтобы попасться на наживку “новой холодной войны”, России необходимо продолжать многовекторную внешнюю политику, использовать для разъяснения и продвижения своих взглядов все имеющиеся международные форматы, работать не только с союзниками, но и с трудными партнёрами, включая европейские государства, с их общественным мнением и политическими организациями. В результате можно не только избежать собственной, даже частичной изоляции, но ослабить влияние тех стран и политических сил, которые навязывают России “новую холодную войну”.

Тем не менее, нельзя не отметить, что в условиях описанного выше сопротивления полицентричности по ряду направлений происходит затвердевание региональной и глобальной конкуренции с участием России. Задача состоит в том, чтобы не допустить её перехода к структурированному и длительному по историческим меркам противостоянию, к складыванию на международной арене антироссийских группировок.

Затвердевание конкуренции происходит по линии военно-политических альянсов. В Европе наследие холодной войны продолжает во многом определять логику деятельности НАТО. Эта организация давно пересмотрела границы своей ответственности, фактически распространив её потенциально на весь мир, и, кроме того, она намерена продолжить расширение. Одновременно ясно, что ни Россия, ни Китай, ни Индия, ни Бразилия, ни многие другие страны, важные для мирового развития и стабильности, его членами вряд ли когда-либо станут, а значит будут укрепляться и альтернативные НАТО конфигурации. В этой ситуации важно, чтобы Россия не втянулась в новую гонку вооружений, умно используя как паритетные, так и особенно асимметричные ответы на угрозы своей безопасности.

Во-вторых, затвердевание конкуренции прослеживается по линии экономической и торгово-финансовой. США лоббируют создание двух трансконтинентальных зон свободной торговли – трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство с Евросоюзом и транстихоокеанское партнёрство в АТР. Из пер-

вого проекта исключена Россия, из второго – Китай. Если они окажутся реализованными, оставшиеся за их бортом крупные государства получают дополнительную мотивацию к созданию или укреплению торгово-экономических образований с их участием. Это уже происходит как в форме Евразийского экономического союза, зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН, так и в виде дорожной карты по созданию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, принятой в ноябре 2014 г. на саммите АТЭС в Пекине.

По этому же пути может пойти и банковско-финансовая архитектура мира, в том числе в виде институтов, альтернативных Мировому банку и МВФ, например, в рамках БРИКС – Банк развития и пул валютных резервов, созданных на июньском саммите в бразильском Форталезе, а также в виде фрагментации системы межбанковских расчётов. В России уже серьёзно озаботились гипотетической ситуацией отключения страны от SWIFT и от услуг таких платёжных карт, как Visa и Mastercard, и принялись за создание своей собственной платёжной системы. Другой показательный факт: за первые три месяца 2014 г. прямые инвестиции в Россию из других европейских стран составили 2,9 млрд долл. – падение на 63% по сравнению с соответствующим показателем за предыдущий год, в то время как из Азии объём прямых инвестиций в Россию за тот же период вырос до 1,2 млрд долл. – рост на 560%.

В-третьих, затвердевание структурной конкуренции может происходить по линии внешнеполитического противостояния, включая выхолащивание системы международного права, продвижения концепции смены режимов и отказ от принципа презумпции невиновности в международных делах. Ряд стран грубо нарушили международное право в 1998 г., развязав войну против Югославии, затем в 2003 г. во время вторжения в Ирак, затем в 2011 г., вмешавшись во внутривосточные конфликты в Ливии и Сирии с катастрофическими для этих стран последствиями. С другой стороны, часть членов международного сообщества критиковали Россию за “непропорциональное применение силы” в августе 2008 г. в Закавказье и за на-

рушение принципа территориальной целостности Украины в 2014 г. На фоне этих разногласий и различных трактовок тех или иных разделов международного права Совет Безопасности ООН всё больше превращался в поле противостояния, нежели играл роль платформы для поиска компромиссов. России необходимо продолжать последовательно отстаивать верховенство международного права и центральную роль ООН в обеспечении мира и безопасности в отношениях между государствами, терпеливо разъяснять свою позицию и действия по тем или иным спорным вопросам.

Концепция смены режимов наносит не меньший вред международным отношениям. Очевидно, что без внешнего воздействия развитие ситуации в Югославии, Ираке, Грузии, Ливии, Сирии, а теперь и на Украине пошло бы по более благоприятному пути. Убийство Саддама Хусейна и Муамара Каддафи, которые западные столицы восприняли с явным удовлетворением, не только не помогло соответствующим странам улучшить жизнь своего населения, но отбросило их в развитии на десятилетия назад. Новые факты о систематических акциях США по смене режимов были обнародованы в 2014 г. благодаря истечению срока секретности ряда официальных документов¹. Окончательное подтверждение получили версии о ведущей роли американских спецслужб в свержении М. Моссадыка в Иране в 1953 г., П. Лумумбы в Конго в 1961 г., С. Альенде в Чили в 1973 г. и т.п. Когда-нибудь мы узнаем из ныне засекреченных документов и всю правду о внешнем факторе в свержении В. Януковича.

Впрочем, правда может всплыть и гораздо скорее благодаря менее скрупулёзному отношению к государственной тайне современных политиков. Как это случилось, например, в декабре 2011 г., когда Дж. Пауэлл, бывший глава администрации Тони Блэра, признал в публичном интервью для документального фильма “Путин, Россия и Запад” факт провала спецоперации МИ-6 в Москве в 2006 г. (история с

т.н. “шпионским камнем”)². Ещё быстрее нашёл своё официальное подтверждение факт активного внешнего вмешательства во внутренние дела Сирии. Вице-президент США Дж. Байден в выступлении перед студентами Гарвардского университета неожиданно признал, что Турция, Саудовская Аравия и Объединённые арабские эмираты предоставляли суннитским боевикам “сотни миллионов долларов и тысячи тонн вооружений” для свержения режима Башара Асада³. США, судя по всему, смотрели на это сквозь пальцы.

Во второй половине 2014 г. идея смены режима всё чаще и открыто стала высказываться за рубежом в отношении России. С трибуны ООН 24 сентября президент США назвал Россию главной угрозой миру наравне с Исламским государством и вирусом Эболы. Конечно, это не был экспромт, а демонстрация набирающих в последние годы обороты конфронтационных подходов к отношениям с нашей страной всё большего числа представителей американского истеблишмента, как республиканцев, так и демократов. Незадолго до этого, в июле, тогда ещё министр обороны Чак Хейгел на личной встрече с Б. Обамой убеждал его в том, что Москва, а не Ближний Восток, представляет собой главную и долговременную угрозу международной безопасности, а в письме президенту в сентябре призвал ужесточить политику в отношении Кремля⁴.

Вызывает мало сомнений, что антиросийские санкции в глазах Вашингтона изначально были частью общей стратегии, направленной не столько против по сути “реактивных” действий Москвы в ходе украинского кризиса, сколько против её внешней и внутренней политики как таковой, заострённой на полицентризм. Причём отношение к санкциям большинства европейских стран, присоединившихся к ним, сильно отличалось от американского. Для них санкции были вынужденной ме-

¹ См. Foreign Affairs, July-August 2014; Foreign Affairs, September-October 2014.

² <http://www.theguardian.com/world/2012/jan/19/fake-rock-plot-spy-russians>

³ www.cnn.com/2014/10/05/politics/isis-biden-erdogan-apology

⁴ A. Entous, Julian E. Barnes, Carol E. Lee. Hagel's Resignation Capped Tense Tenure. // The Wall Street Journal. 27 November 2014. P. 2.

рой, принятой в основном под давлением США, и, кроме того, мерой нежелательной в долгосрочном плане.

Давление на Москву, и не только, стало оказываться и с помощью снижения мировых цен на нефть. И дело здесь не в каких-то теориях заговора. В целом снижение цен было закономерным в связи с ситуацией в глобальной экономике, но глубину их падения нельзя объяснить только объективными обстоятельствами. Экономический комментатор газеты "Гардиан" Л. Эллиот считает, что Вашингтон и Эр-Рияд, каждый преследуя свои цели, договорились в сентябре об искусственном занижении саудовцами цен на нефть¹. Со стороны США основной мотивацией стало стремление нанести максимальный ущерб экономике России в духе холодной войны, т.е. дестабилизировать внутреннюю социально-политическую ситуацию с целью смены режима.

На закрытых международных экспертных встречах этот тезис западные аналитики проговаривают вполне открыто. "Остаётся только надеяться, – говорится в докладе одного из ведущих мозговых центров США в отношении антироссийской политики сдерживания, – что перемены в Москве приведут к власти режим, более склонный следовать нормам европейской безопасности". В то же время не исключается, что результатом смены режима в России под давлением Запада может стать радикализация русского национализма и даже распад самого государства. "В обоих случаях, – следует, тем не менее, вывод, – Соединённые Штаты и Европа выигрывают, если текущая политика [давления на Москву] усилит, нежели ослабит безопасность и сдерживание в Европе"². Таким образом, в околоставных западных исследовательских структурах нынешнюю политику санкций не только рассматривают как инструмент устранения В.В. Путина от власти, но эта политика считается оправданной даже в случае

такого её побочного эффекта, как прекращение существования России как таковой.

Надо отметить, что к настоящему времени в странах, введших против России санкции, возобладало здравомыслие в том смысле, что на быстрый эффект от них в виде смены режима в России уже мало кто рассчитывает. В лагере сторонников "новой холодной войны" с Россией образовалось своего рода умеренное крыло, члены которого делают ставку не на военное противостояние с Москвой, а на изнуряющее противоборство, цель которого – постепенное экономическое и финансовое "удушение медведя". Ряд видных западно-европейских экспертов даже считают, что на этом пути допустимо вообще отказаться от санкций, лишив Москву повода для внутривластной консолидации, и играть "в долгую", дав возможность России связаться в борьбу на поле открытой экономической конкуренции. Последнюю она, согласно задумке, проиграет, как когда-то Советский Союз. Следуя той же логике, на этом пути предлагается не противостоять, а напротив поддержать замысел Евразийского экономического союза и использовать его многостороннюю природу с наднациональными элементами для сдерживания "экспансионистских" устремлений Москвы, обернув ЕАЭС в конечном счёте против своего создателя.

От концепции "смены режима" перейдём к ещё одной теме. Казалось бы, презумпция невиновности – краеугольный камень любой судебной системы. Но в действиях многих государств на мировой арене её полностью игнорируют. Вторжение в Ирак произошло в отсутствие доказательств связей Багдада с аль-Каидой и производства ОМУ. На Москву Запад обрушил град критики за ввод российских войск в Южную Осетию в августе 2008 г., и потребовался целый год, чтобы в докладе международной комиссии во главе с Х. Тальявини был изобличён истинный виновник военного конфликта – режим Саакашвили. Масса прямых и косвенных фактов, да и просто здравый смысл подсказывают, что ни Россия, ни повстанцы на Востоке Украины не имели отношения к крушению малазийского Боинга 17 июля 2014 г. хотя бы потому, что это им было в высшей степени невыгодно. Однако уже через

¹ *Larry Elliott. Oil at the Heart of New Cold War. // The Guardian Weekly. 14-20 November 2014. P. 1.*

² *Transatlantic Security Symposium 2014. A Cold Peace? West-Russia Relations in Light of the Ukrainian Crisis. Rome, 20 October 2014.*

несколько часов после трагедии Киев в унисон с Вашингтоном и рядом других западных столиц именно на них возложил вину в совершении этого преступления. Не позавидуешь подыгравшим тогда украинским националистам политикам, которые теперь оказались в ситуации цугцванга.

Показательным в этом смысле стала частная беседа в Москве с высокопоставленным западным дипломатом, в которой мы обсуждали возможные причины трагедии с самолётом. До этого в публичной части мероприятия он по шаблону выдвинул версию вины “сепаратистов, вооружённых Россией”. В последующей беседе достаточно очевидная аргументация против “донецкого следа” привела к тому, что, в конце концов, мой собеседник не нашёл ничего иного, как предположить, что Боинг с помощью “Бука” был сбит с территории Украины диверсионной группой российских военных, которые (внимание) целились на самом деле в другой самолёт – российский, чтобы, взвалив вину в массовой гибели российских граждан на Киев, Москва получила бы предлог для военного вторжения на Украину.

Крайнюю обеспокоенность вызывает и неразборчивость многих стран в средствах достижения своих внешнеполитических целей. Показательными являются скандалы, связанные с документами, обнародованными Викиликс, с глобальной прослушкой и оппонентов, и союзников, включая промышленный шпионаж, систематическое использование американскими спецслужбами пыток при допросе подозреваемых в террористической деятельности и потворство им в этом рядом стран – союзников.

Откровением стало декабрьское интервью известной американской журналистки Л. Пойтрас, кому, помимо Г. Гринвальда, Э. Сноуден доверил секретные материалы о программе “Призм” Агентства национальной безопасности США и о программе “Темпора” британского Центра правительственной связи (радиоэлектронная разведка)¹. Начиная с 2006 г., когда Пойтрас провела кинодокументальное расследование жизни иракцев под американской оккупацией, её под разными

предлогами допрашивали порядка 40 раз в американских аэропортах. С 2012 г., устав от преследования спецслужб США, она проживает в Германии. Но страной, которую Пойтрас хотела бы посетить в последнюю очередь, является Великобритания, где, по её словам, журналист никак не защищен законом от политически мотивированного преследования.

Все описанные выше факторы указывают на то, что при определённом развитии ситуации сценарий “новой холодной войны” не исключён, тем более, если Россия будет этому подыгрывать. Предотвратить же его осуществление не составит большого труда, если не идти на поводу его адептов. Полицентричность мира исключает изоляцию России со стороны западных государств, а, следовательно, и успех санкционной политики. О какой изоляции России может идти речь, если в ноябре против резолюции генеральной ассамблеи ООН о борьбе с героизацией нацизма, проект которой был внесён Россией и ещё 40 государствами, против проголосовали лишь США, Канада и Украина? С помощью пугала российской угрозы невозможно добиться и былой сплочённости западных стран вокруг Вашингтона. Высока вероятность того, что уже в 2015 г. ЕС, не оглядываясь на США, начнёт демонтаж политики антироссийских санкций. Он примет обвальный характер, если не удастся скрыть правду о трагедии малайзийского Боинга. Идея же общемирового фронта против России выглядит и вовсе нелепой, если не сказать комичной.

За свою сложную тысячелетнюю историю Россия привыкла держать удар. В XX веке Русское государство дважды терпело крушение – в 1917 и 1991 гг. Тем важнее для него роль этих уроков в XXI столетии, главный из которых – не дать втянуть себя в структурное противостояние, тем более, в большую войну, будь то холодную, или горячую. Внутренний залог успешного развития России – столь необходимая модернизация её индустрии и инфраструктуры, внешний – полицентричный мир, непригодный для политики исключительности и избранны.

Ал.А. Громыко

¹ FT Weekend Magazine, Special issue, Women of 2014, 13–14 December 2014. PP. 20–22.